

Дунаева Валентина Викторовна, Копосов Даниил Робертович
[ДИНАМИКА ПАДЕЖНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/12/61.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2010. № 12 (43). С. 205-208. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/12/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81'366.54

Валентина Викторовна Дунаева, Даниил Робертович Копосов
Казанский федеральный университет

ДИНАМИКА ПАДЕЖНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ[©]

С точки зрения грамматической семантики в русском языке существует больше падежей, чем те шесть, которые включены в школьную программу.

Категория падежа - это грамматическая категория имени существительного, выражающая отношение обозначаемого им предмета к другим предметам, действиям, признакам. Иными словами, это одна из грамматических категорий имени, связанных с распределением синтаксических функций, определяющаяся как отражение семантических корреляций.

В русском языке склоняются (изменяются по падежам) имена: существительные, прилагательные, числительные и местоимения - то есть все именные части речи. Склонение при этом представляет собой набор падежных окончаний, то есть устанавливается уже не по родовой принадлежности слова, как ранее, а по собственно набору флексий (отражаемому, соответственно, набором грамматических значений, распределённых по шести падежным формам).

Из сказанного следует, что отношение к падежной системе русского языка должно основываться на лексико-грамматической семантике, валентности и взаимодействии словоформ в контексте.

Современная школьная грамматическая традиция выделяет шесть падежей: именительный (номинатив - кто? что?); родительный (генитив - кого? чего?); дательный (датов - кому? чему?); винительный (аккузатив - кого? что?); творительный (аблатив - объединяет инструментатив, локатив и аблатив - кем? чем?); предложный (препозитив - о ком? о чём?).

В современной нам школе заучивается в первую очередь не семантика, а порядок падежей, причём зачастую с помощью мнемонических поговорок: «Иван (Ирина) Родил(а) Девчонку, Велел(а) Тащить Пелёнку»; «Иван, Роман, Дайте Вашу Трубку Покурить»; «Имя Ребёнку Дали, Винни Топтыжку Прозвали»; «Иван Рубил Дрова, Велел Тащить Пилу»; «Иван Рубил Дрова, Варвара Топила Печь»; «И Родила Дарья Ваньку Толстого, Пузатого»; «Иван Романов Дал Вите Тетрадь Подержать». Возможно, такие «инновационные технологии» дают представление хотя бы о количестве падежей и потому необходимы?

Количество падежей в русском языке по-разному расценивалось разными исследователями.

Так, в современном русском языке некоторые лингвисты говорят о существовании не шести, а восьми падежей. Например, В. В. Виноградов выделял ещё *количественно-отделительный*, а предложный падеж разделял на *местный* и *изъяснительный*. Значение падежа, как кажется, можно вывести из его названия. Именительный обозначает имя, название. Родительный обозначает принадлежность, род этого имени. Название дательного падежа связано с глаголом «дать / давать», т.е. характеризует функцию имени «что-то кому-то давать». Винительный «обвиняет» кого-то или что-то. Название творительного падежа подразумевает способность что-то творить, совершать действие при помощи какого-то «предмета-орудия». У творительного падежа есть конкретный автор - Лаврентий Зизаний (Лаврентий Тустановский) - протоиерей, известный западнорусский ученый, один из первых русских грамматиков. Именно он описал свойства этого падежа и ввёл его в обиход.

А предложный падеж своим названием подчёркивает возможность имени сообщаться с каким-либо предлогом. Своим названием он обязан М. В. Ломоносову. Ранее он назывался иначе - *сказательный* (т.е. можно сказать о чём-нибудь или о ком-нибудь, ср. термин *изъяснительный*) и тоже имел своего автора - Мелетия Смотрицкого (Максим Григорьевич Смотрицкий).

Тем не менее, традиционным восприятием данной категории в современном русском языке является выделение шести падежей, каждый из которых имеет своё «значение». Перечислим описанные ранее «значения» традиционно выделяемых падежных форм.

Именительный падеж - это прямой падеж, который противопоставляется косвенным падежам и обозначает предмет, не зависимый от других предметов, признаков и действий. Таким значением обусловлены следующие функции именительного падежа: 1) субъект высказывания как производитель или носитель признаков, или состояний, или непроизвольного восприятия (подлежащее): «Я пишу сочинение», «Картина впечатлила меня»; 2) именная часть составного именного сказуемого: «Мой учитель - мой друг»; 3) именование темы высказывания: «Люди, они так жестоки» (т.н. «именительный темы»), обращение: «Мама, где ты?»; 4) функция предмета, который сравнивается с исходным предметом: «Эта выставка гораздо интереснее, чем твоя идея».

Родительный падеж широко употребляется при глаголах и при именных частях речи. Выделяют несколько основных значений родительного падежа: 1) родительный принадлежности - «платье мамы»; 2) родительный отношения - «повесть Гоголя»; 3) родительный субъекта или носителя признака - «ясность утра»; 4) родительный партитивный (части) - «принести воды»; 5) родительный с определительным значением: «человек крутого нрава».

Дательный падеж чаще всего используется при глаголе, и его основное значение - значение адресата: «признаться другу». В специализированных конструкциях дательный падеж обозначает субъект действия: «Отцу нездоровится». Дательному падежу свойственно и локативное значение (значение места): «двигаться по дороге».

Винительный падеж сигнализирует значение прямого объекта, обозначает предмет или лицо, на которое направлено действие: «рисовать картину». Кроме того, винительный падеж способен обозначать меру или количество: «Мы прошли тысячу километров».

Основное значение творительного падежа - орудийное, инструментальное: «писать пером». Он же может иметь значение субъекта, совместно с которым совершается действие: «встречаться с другом». В специфических ситуациях творительный падеж может выступать в значении субъекта: «Лодку ветром уносит в море». Также творительный падеж может обозначать признак, который приписывается субъекту: «Он станет художником». Широко распространены обстоятельственные значения творительного падежа: 1) временное - «читаю днями и ночами»; 2) пространственное - «плыть морем»; 3) образа действия - «повернуться боком».

Специфической чертой предложного падежа является использование его исключительно с предлогами. Предложному падежу свойственны следующие значения: 1) значение объекта - объект мысли, восприятия: «говорить о книге»; 2) значение места: «расположен при школе», «отдыхает в деревне»; 3) значение времени: «встретимся в декабре». Особенно следует отметить конструкцию временного значения предложного падежа с предлогом «по»: «по приезде»; 4) значение орудия: «печатать на машинке»; 5) определительное значение: «деревья в цвету».

В древнерусском языке был седьмой падеж - звательный. Этот падеж считался седьмым русским падежом в грамматиках, изданных до 1918 года. Звательный падеж сохранился в словах «Боже», «Господи», «старче», «отче» и других. Его современный аналог используется при обращении к человеку (им. падеж: Аня - обращение: Ань!). Третья форма звательного падежа сохранилась в словах «деда», «доча» и т.п. также, прежде всего, в функции обращения. Однако трактовать эти формы в современном русском языке следует не как звательный падеж, а как звательную форму, поскольку в современном языке сохранились и отдельные реликтные формы древнего звательного падежа, в то время как «новую» - с усечением («Ань, Маш, Серёж») звательную форму принимает только очень ограниченная группа существительных: это именные лица по степени родства («мам, пап, бабуль») и имена собственные первого именного склонения [2, с. 48-49]. В древнерусском языке звательный падеж охватывал всё именное склонение. Устранение из системы звательного падежа как самостоятельного конструкта со специфическим грамматическим значением в пределах падежной парадигмы вызвано как экстралингвистическими, так и внутрисистемными факторами. К экстралингвистическим мы бы отнесли, вслед за проф. Т. М. Николаевой [3], сужение сферы прямого обращения до только наименований лица и животного, то есть приспособление грамматической системы к трансформациям психологического порядка. Внутрисистемный фактор - взаимозаменяемость в функции обращения звательного и именительного падежей, фиксируемая уже в памятниках XII-XIII веков.

В современном русском языке функции бывшего звательного падежа свободно выполняет именительный: «отец, друг, человек», а использование новых форм обращения носит, как правило, стилистически маркированный характер.

Таким образом, для одного и того же падежа можно выделить несколько типовых значений, причём они могут различаться и формально.

Например: И. п. - «Петя решает задачу»; И. (зв.) п. - «Петь, реши задачу!»; И. п. - «Петя, реши задачу!»

Подобным образом традиционная академическая грамматика обнаруживает специализированные, «узкие» грамматические значения и для других падежей.

Так, в *количественно-отделительном* «значении» родительного падежа ставится существительное, означающее целое по отношению к части, также упоминающейся: Р. п. - «головка чеснока»; Р. (к.-отд.) - «головка чесноку» [2, с. 50-58].

Это отделительное лексико-грамматическое значение заметно, прежде всего, применительно к неисчисляемым существительным: «сахару, песку» (имеется внешнее сходство с формой дательного, но семантика и «падежный вопрос» родительного). Есть мнение, что этот падеж - один из двух, могущих быть прямым дополнением при глаголе. Например: в родительном падеже было бы «дать жара», а в партитиве - «дать жару».

Лишительное «значение» родительного падежа используется вместе с отрицанием глагола во фразах вроде «не знать правды» (но «знать правду»), «не иметь права» (но «иметь право») и устанавливает корреляцию между родительным и винительным падежами в функции прямого объекта при отрицании. Действительно, с точки зрения грамматической семантики нельзя сказать, что в варианте с отрицанием мы используем родительный падеж, потому что в некоторых случаях слова остаются в форме винительного: «не водить машину» (а не машины).

Таким образом, если мы считаем, что каждой семантико-синтаксической функции существительного должен соответствовать какой-то один конкретный падеж, тогда приходится говорить уже не о «значении», а о *лишительном падеже*: это такой падеж, формы которого могут совпадать с формами родительного или винительного. Иногда совпадающие формы взаимозаменяемы, но в некоторых случаях нам заметно удобнее использовать только один из двух вариантов, что говорит в пользу такого, нового толкования - в пользу лишительного падежа. Например, «ни шагу назад» («не делать») звучит привычнее, чем «ни шага назад», или: В. п. - «оправдать надежды» / В. (лиш.) п. - «не оправдать надежд».

Существует и так называемая *счётная форма* родительного падежа. Она используется в сочетании имён с числительными. Этот «падеж» возможен у существительных, обладающих номинативным значением множественного числа. Данная форма возникает не всегда (отсутствует, например, у существительных первого именного склонения: «дорогих машин», «11 дорогих машин»), но широко представлена у имён мужского рода второго склонения (в сочетании с числительными «два, три, четыре»): «два-три стола», но «нет столов, пять столов», а также у имён с супплетивными основами: «нет людей, сотня людей», но «три-четыре человека». При этом различие форм родительного может сопровождаться перетяжкой ударения («широкого шага» / «два шага»). Для имён женского рода местоименного склонения отметим наличие вариативности в счётной функции форм родительного / именительного в сочетаниях с числительным: типа «три мастерских / три мастерские». Все перечисленные отклонения от базовой классификации объединяются специфической грамматической семантикой и отражают результаты исторических изменений в системе русского языка: взаимодействия архаических типов склонения, утраты двойственного числа, взаимодействия отдельных падежных значений внутри парадигмы и между парадигмами.

Временное «значение» выступает как самостоятельная разновидность творительного падежа, так как их формы совпадают, но отвечают они на разные грамматические вопросы, то есть противопоставлены грамматической семантикой: Т. п. «Я восторгаюсь (чем?) ясным днём» / Т. (вр.) п. «Они встретились (когда?) ясным днём». При этом именная форма со временным «значением» творительного падежа сближается с наречием вплоть до акта семантического словообразования (ср. наречия «зимой, летом» и под.).

Превратительное «значение» винительного падежа (винительный включительный) обнаруживается во фразах типа «я бы в лётчики пошёл» или «баллотировался в президенты» - здесь мы имеем дело с использованием в качестве средства грамматической специализации архаической флексии винительного, которая ныне соотносится только с неодушевлёнными именами.

Указанная форма в современной нам системе совпадает с формой именительного множественного одушевлённых имён, однако очевидно, что это не именительный падеж: 1) перед «лётчиками» стоит предлог, что невозможно для именительного падежа; 2) слово «лётчики» не является подлежащим: падеж должен быть косвенным; 3) слово «лётчики» в данном контексте не отвечает на вопросы именительного падежа (кто? что). Следовательно, имеем *превратительный падеж*, который отвечает на вопросы винительного, но по форме совпадает с именительным множественного числа в результате затемнения архаической парадигмы и развития в русском языке категории одушевлённости.

Для предложного падежа выделяются как самостоятельные *местное «значение»* - падеж, в котором ставится существительное, означающее место действия, например: П. (местный) п. - «стоять в снегу, в лесу», - и *изъяснительное «значение»*: П. п. - «думать о снеге, о лесе». Их генезис, формальная и семантическая противопоставленность и связь с конкретными предлогами описаны наиболее полно в монографии В. М. Маркова «Именное склонение» [Там же, с. 58-63].

Стоит заметить, что процесс специализации частных падежных «значений» в системе ещё не завершён и продолжается по всем указанным выше векторам, включая жанрово-стилистическую обусловленность выбора падежной формы (что являлось характерной чертой древнерусского языка). И речь здесь не только о диалектных явлениях наподобие «пашня пахать», хорошо описанных в литературе по предмету (см., например, [1, с. 163-169]).

Так, например, последние исследования функций формы именительного падежа (в частности, работы казанского исследователя Г. К. Хамзиной) показывают, что форма именительного используется в условной функции предложного изъяснительного в жанре мобильной или интернет-заметки (напоминания), когда, включая опцию «Напомнить» или «Напомнить о», пользователь вводит имя в форме прямого падежа: «Напомнить о «Занятие в 14:30» / «Андрей» / «Встреча группы»» и так далее.

Взаимодействие падежных форм также происходит активно и в основном по вектору вытеснения остальных косвенных падежей родительным во всех семантико-грамматических функциях за счёт нарушений предложного управления (упомянем хотя бы уже банальные примеры сочетаний типа «согласно распоряжения», «согласно приказа» и так далее).

Означает ли всё изложенное выше, что в будущем падежная система будет расширяться и школьные мнемонические шутки - «запоминалки» будут включать с каждым десятилетием всё больше слов? Полагаем, что нет.

Скорее, продолжая мысль М. В. Панова, предположим, что количественное накопление специализированных падежных значений приведёт к упрощению базовой классификации до двух компонентов парадигмы: прямой и косвенный падежи, а формальные особенности употребления частных падежных значений утратятся (разумеется, не в буквальном смысле - просто различия перейдут в синтагматический ряд, и выбор той или иной произносимой флексии станет определяться традицией, а не семантикой единицы).

Список литературы

1. **Марков В. М.** Избранные работы по русскому языку. Казань: ДАС, 2001. 275 с.
2. **Марков В. М.** Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. Ижевск: Издательство Удмуртского ун-та, 1992. 145 с.
3. **Николаева Т. М.** Очерки по исторической стилистике и словообразованию. Казань: Издательство КГУ, 2000. 148 с.

УДК 81'42

Галина Александровна Коблякова

Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова

АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА[©]

Когнитивная лингвистика, выдвинувшаяся на передний план в современном языкознании, проявляет интерес к изучению мыслительного содержания языковых единиц разного уровня, среди которых - текст. Когнитивные методологии описания текста основываются на представлении о литературе как о ментальной деятельности и направлены на выявление связи между мыслью и ее репрезентацией. Когнитивное «переосмысление» текста обретает самые разные формы [17, с. 172]. Одной из таких форм является сопоставительный анализ разноязычных художественных текстов, все громче заявляющий о себе в контексте зарождающейся контрастивной (сопоставительной) лингвопоэтики (В. С. Баевский, Э. М. Береговская, Б. Я. Бухштаб, М. Ю. Лотман, И. Я. Чернухина). Лингвистический сопоставительный анализ способов художественной репрезентации тех или иных феноменов позволяет выявить накопленный опыт эстетического освоения данных явлений представителями изучаемых лингвокультур, выявить особенности концептуализации рассматриваемых сущностей, свойственные поэтической картине мира того или иного языка, а в последствии - сравнить, как отражается художественное, научное и наивное мировидение в лексических системах изучаемых языков [9, с. 6].

Перспективным в этой связи нам представляется обращение к анималистической художественной литературе.

В самом общем виде анимализм рассматривается как направление в искусстве, связанное с описанием животного мира [2]. Первыми анималистами на Земле, вероятно, были древние художники, рисовавшие животных на стенах пещер: в палеолитических памятниках более 80% всех изображений составляют животные, тогда как на долю человеческих фигур приходится около 4% [4]. Термин *анимализм* по отношению к искусству впервые был употреблен в 1831 году, когда трое молодых французских скульпторов - А. Л. Бари, К. Фратен и А. Жуйонне - выставили в Парижском художественном салоне небольшие фигурки животных [2].

Анализ публикаций показывает, что термин «анимализм» следует отличать от термина «стиль дикой природы» (от английского *wildnature arts*), который подразумевает реалистичное, но лишь скульптурное или живописное изображение животных [Там же].

В научной литературе также встречается термин «фурри-искусство» (от английского *furry art*), то есть художественные работы, темой которых являются человекообразные существа с чертами животных: голова, хвост, уши, мех, лапы и др. Подобные художественные произведения могут изображать как полностью непохожих на человека животных, антропоморфные черты которых передаются только по выражениям их морды, в диалогах, в диапазоне разыгрываемых эмоций, так и полностью человекообразных персонажей, у которых есть только уши и хвосты животных [Там же].

Довольно часто художественные произведения о животных называют природоведческой литературой [12, с. 359]. Мы не считаем термины *природоведческая* и *анималистическая* литература синонимичными, так как природоведческая литература включает в себя как произведения о животных, так и о растениях.

В ряде литературных традиций анималистическую литературу относят к детской литературе [Там же, с. 354]. Это обусловлено несколькими факторами: значимостью познавательной функции анималистических произведений, ее духовно-нравственным потенциалом [Там же, с. 367], патриотическим звучанием, незаменимостью для экологического развития и воспитания детей [Там же]. Не вдаваясь во все сложности дискуссий по этому поводу, заметим, что на наш взгляд, такой подход неоправданно снижает роль и место, отводимые анималистическим произведениям в общем литературном фонде. Анимализм, понимаемый как творчески осмысленное и ответственное отношение человека к животным, является одним из важнейших резервов и импульсов развития всего человечества (а не только детей и юношества), все более осознающего необходимость зрелого сотрудничества и взаимодействия со всеми формами жизни на Земле.